

«Ненастье» – новый роман Алексея Иванова. Погода стала его названием – и знаком времени, как Смута, Оттепель, Застой. Поговорим о роли погоды в современной русской литературе.

«Всё равно потом хлынул дождь. Он поливал в темноте город Батуев, его типовые панельные пятиэтажки и гастрономы, его площади, парки, промзоны и долгострои. Капли грохотали по жестяным карнизам окон и вспыхивали на свету из комнаты, похожие то ли на монеты, то ли на гильзы. Трамвайные рельсы заблестели в ночи, будто открытые для перезарядки затворы. На тротуарах возле ресторанных витрин стояли бандитские иномарки, и ливень разноцветными огнями бегал по их изысканным обводам, точно чёрный музыкант играл на чёрных рояля... Из амбразур ночных ларьков, вооружившись газовыми баллончиками, осторожно выглядывали продавщицы – это кто так уверенно молотит по прилавкам?

Гильзы, затворы, амбразуры... Не поймешь, то ли дождь идет, то ли война. Ненастье – это название дачной деревни, это эпоха, в которой завязла страна, это помутненное состояние души.

Книга начинается с вооруженного ограбления, которое шофер Герман Неволин совершает в пятницу, 14 ноября 2008 года. В дождливую пятницу: «Низкое, плоское и просторное небо казалось таким же мокрым, как асфальт». Та, ради которой он идет на преступление, под стать осеннему пейзажу. «Девочка лет пятнадцати мыла в умывальнике стаканы. Узкие плечики, тонкая русая косичка, неяркое и нежное лицо, бледные губы». Такой ее впервые увидел Герман в начале 90-х. С тех пор она мало изменилась:

«Танюша оставалась все такой же, как в юности, – тихой, светлой и девически-тоненькой. Вечная Невеста. Она словно бы всегда пребы-

вала в зачарованной полночи перед свадьбой, словно бы всегда – в ожидании жениха, и не простачка вроде Германа, а настоящего волшебного королевича, который поцелует расколдует ее и пробудит к счастью».

Заколдована не только Танюша. Заколдована вся страна, над которой не расходятся серые облака. Лихие девяностые обнулились, ушли бандиты и банкиры, пришли мошенники и менты, на месте бронированных ларьков выросли небоскребы и супермаркеты, но светлее не стало. Впрочем, кому как:

«Владику нравилось быть среди чиновников – среди этих самоуверенных, холёных и мордатых мужчин с убедительной речью. Вот так же в юношестве Владику нравилось быть среди “афганцев” с их понтами, трицепсами и стволами».

Владик Танцоров – ничтожество, мокрица, мелкий лавочник, спекулянт на недвижимости – чувствует себя великолепно. Как и майор КГБ Щебетовский, сваливший лидера афганской группировки Серегу Лихолетова и прибравший к рукам его активы. А вот Танюша Куделина с неярким и нежным лицом, Герман Неволин, приросший к баранке, – кто они в этом холодном неуют?

«Щебетовский отключил рацию и посмотрел на Германа и Таню. Теперь можно было разобраться и с этими. Майор знал их по разработкам оперов. Куделина – дочь тренера из “Юбиля”, малолетняя сожительница Лихолетова, дура. Неволин – водитель автобуса “Коминтерна”, приятель Лихолетова и сослуживец по Афгану, обычный – как все. Короче, эти двое – никто и ничто».

Никто и ничто. Это ведь общий приговор, точка зрения всех персонажей «Ненастья», даже родителей Танюши, даже героического атamana «афганцев» Сереги Лихолетова, который поначалу великодушно пригрел малолетку, но скоро остыл:

«Кто она теперь? Простая парикмахерша из салона “Элегант”. Девушка, каких много, а не девочка, близость с которой была вызовом всему свету. Лилейность Танюши, её русалочья бестелесность уже не насыщали Серегу».

Итак, она звалась Татьяна... Героиня ивановского «Ненастья» и героиня пушкинского «Онегина» не просто тезки. Обе в семье своей родной казались девочкой чужой, обе мечтательны, непрактичны, наивны, неопытны (душа ждала кого-нибудь), обе отданы другому. У одной кто-нибудь – блестящий дворянин, у другой – мелкий мошенник, одна была отдана герою войны с Наполеоном, другая – герою криминальных войн, но это лишь приметы времени.

Пушкин не был пуританином, видел жизнь без прикрас, недаром его называют основателем русского реалистического романа. Но он бы ужаснулся, узнав, какого рода инкарнация ждет его Татьяну Ларину:

«Встречи с Серегой в камерах райсуда для Тани были почти невыносимы. Милиционеры, подвал, решетки, грязная и тесная комнатуха, а в ней одичавший, чужой и грубый Сергей. <...>

В эту встречу он был особенно напорист: ворочал Танюшу на скамейке, будто солдат, который, наедаясь перед сражением, вертит свой котелок так и смяк и скребет ложкой по доньшкку. <...>

Таня лежала на скамейке, застеленной простынкой, голая, будто для операции или для казни».

Уверяю вас: Алексей Иванов любит и жалеет свою Татьяну не меньше, чем Александр Сергеевич – свою. Зачем же ему понадобились такие откровенно жестокие сцены, напоминающие заклатие? Сам писатель в одном из интервью говорит об этом со всей определенностью:

– Танюша Куделина – «овца», в смысле «агнец», то есть и кроткая, и жертва – жертва эпохи, жертва девяностых. Она Вечная Невеста, ее девичество непреходяще, оно никогда не станет женственностью и поэтому бессмертно.

После этих слов мы спокойно можем поставить Танюшу в один ряд с Катериной из «Грозы», Сонечкой Мармеладовой из «Преступления и наказания», Катюшей Масловой из «Воскресения». Все они жертвы Ненастья.

Но ведь и Герман – жертва, к тому же двойная: и обстоятельств, и собственного волевого решения – грабануть инкассаторов, чтобы навсегда увезти свою Танюшу в далекую Индию, к теплому Аравийскому морю, на золотые пляжи Малабара, где каждый день светит солнце и все улыбаются. Утопия, конечно: никуда не отпустит Ненастье. Но мечта благородна, поступок самоотверженный. И ведь Герман – единственный, кто не способен убить, даже если в него стреляют.

Да, эти двое – «никто и ничто» – предназначены друг для друга. Почему же тогда – Вечная Невеста? Чья же все-таки – невеста?

Было бы натяжкой говорить, что небо в романе Алексея Иванова «Ненастье» закрыто наглухо. Оно грозно сверкает звездами Афганистана, где воевал Герман, солнечно сияет над побережьем Индии, где он однажды побывал, но все это не Россия. Русское небо по-настоящему открылось только раз – в ту зимнюю ночь, когда Таня Куделина решила покончить с собой.

Это было еще до встречи с Германом, еще до Сереги Лихолетова. Осознав, что никому не нужна, всем мешает, всех раздражает, все ее ругают, а некоторые даже бьют, она сбежала из дома. Решила покончить со своим девичеством, с той Танюшей, которая как белая ворона не похожа на всех остальных. Местом преступления выбрала дачу в Ненастье, в качестве подельника взяла с собой Владика Танцорова, свидетелем, а может быть, и участником душевного суицида должна была стать Луна.

«Синее ледяное окно казалось полынью; луна свешивалась, как петля. Таня разделась до майки и трусов.

– Владик, – позвала она. – Иди.

Владик не шел.

– Ну, Вла-адик... – умоляюще повторила Танюша.

А Владик заснул на тахте, завалившись в угол. Недосып, похмелье, марафон и плотный ужин срубили его. Танюша постояла над ним, переступая босыми ногами по холодному полу, и вернулась вверх. Она по-турецки уселась на топчан, закуталась в одеяло, а потом угрелась и тоже уснула».

Дальше начинается кино. Собственно, вся эта книга – киносценарий, но следующий абзац – готовая раскадровка: бери и снимай.

«Печка догорела. На шиферной крыше трубы протаяло темное пятно. Транзитные поезда как стрелы неслись строго по прямой линии через снежную равнину мимо маленькой дачной деревни Ненастья».

Спящая Таня, печка, труба, крыша; камера поднимается выше, чтобы взять самый общий план – бескрайние снега: это все еще взгляд сверху. Но вот он запрокидывается к небесам, а в небесах – торжественно и чудно: «в алмазных и морозных небесных водах, веерами распустив хвосты и плавники, грозно и величественно, словно сквозь какие-то стеклянные сферы, плыли огромные и прозрачные неевклидовы рыбы с яркими лунными глазами».

В Капшадокии, в пещерной церкви, есть фреска XIII века – «Тайная вечеря». Вокруг стола святые в нимбах, в центре – Иисус, и он же в виде Рыбы лежит на столе, в чаше Святого Грааля. Рыба – ἰχθύς (их-

«Ненастье». Предупреждающая надпись на обложке: книга содержит нецензурную брань. Подзаголовок: «В каком ненастье ты пропал без вести, солдат?» Война, тюрьма, драки, убийства, рэкет, мат, кровь, пот, насилие... А впечатление от книги светлое. Потому что в ней живет Таня Куделина, нежная как девочка, лучистая как зори, взглядом необъемлемая, как страна, Вечная Невеста – надо ли говорить, чья.

И вот мы подходим к финалу. Все завершилось совсем не так, как планировал Герман. Для него, маленького, одинокого, несчастного человека это огромный провал – а может быть, и взлет? Потому что он любим, прощен и понят той девочкой, ради которой готов бы жизнь отдать.

«Танюша повернула в переулок и увидела, что ей навстречу несётся Герман – большой и нескладный мужчина с добрым и несчастным лицом. Ей показалось, что он бежит, будто взлетает старинный неуклюжий аэроплан, – как-то косо, внаклон, наполовину распластавшись над заснеженной дорогой. Это был Гера, Гера, Гера, живой Гера. Её Гера!

Басунов видел только спину упавшего Неволлина и приближался, чтобы добить: всего-то один патрон отделял его от победы. И вдруг откуда-то из ниоткуда (ведь она же никто и ничто! – Ю.Н.) на Басунова, визжа и рыдая, упала Танька Куделина, упала как зверюга, как нетопырь, повисла на его локте, вцепилась в пистолет, бешено впиалась зубами в руку, не давая выстрелить в Неволлина.

Она всегда была овца, и у нее все отняли, и теперь она отчаянно дралась за последнее, что у нее было: жертва взбунтовалась, агнец взбесился».

Сейчас мы дочитаем роман до самого конца, и вы услышите, как звучит последнее слово. Прошу обратить внимание: события, начавшиеся в пятницу, заканчиваются в субботу. Сейчас мы узнаем прогноз погоды на завтра. Куда смотрит камера? Конечно же, в небеса:

«За синими крышами дач, за кронами неурожайных яблонь черный небосвод с краю багрово потеплел. Но это был отсвет пожара, а не рассвета. Рассвет разгорался невообразимо далеко от деревни Ненастье – над хребтами Гиндукуша, над побережьем Малабара. Ненастье пока еще лежало в темноте этой долгой субботы. Хотя на земле, пусть и очень далеко, все равно уже началось воскресенье».